

ЦЕРКОВЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

*Л. А. Карпычева
(Санкт-Петербург)*

Общины сестер милосердия и православная церковь

В литературе до 1917 г. сведения об общинах сестер милосердия приводятся во множестве источников, но среди них почти нет таких, где история общин излагается систематически и анализируется. Пожалуй, лишь в книге П. А. Илинского¹ дается подробное описание первых общин, возникших в 1840-е–1870-е гг., и их классификация. Первой значительной современной публикацией, содержащей множество разнообразных, хотя не всегда точных, сведений об общинах и обширный библиографический список, являются «Очерки по истории общин сестер милосердия» А. В. Постернака (ныне священника Андрея Постернака, декана исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета)².

Не задаваясь задачей систематического и аналитического изложения истории общин, автор «Очерков» тем не менее приходит к определенным суждениям и обобщениям, требующим, на наш взгляд, более тщательного обоснования. Так, о. Андрей утверждает, что первая российская община сестер милосердия — Свято-Троицкая — возникла и развивалась «в русле уже существовавших традиций... и не могла быть никакой иной, как только *полумонашеской*»³. Именно такая община, по

его мнению, и послужила образцом для других, возникших позднее. Под определением *полумонашеская*, автор подразумевает, что различные элементы ее устройства — совместное проживание, молитва, еда, безвозмездная работа, строгая дисциплина — были заимствованы из уклада православных монастырей. Кроме того, сестры милосердия первых общин давали обещание (присягу) служения ближнему, сопровождавшееся церковным обрядом и напоминающее монашеские обеты.

Тем не менее, для того, чтобы судить о *полумонашеском* или каком-либо ином характере общин сестер милосердия, необходимо рассмотреть их в общей системе российской благотворительности, определить меру участия в них Русской Православной церкви и сравнить их с подобными организациями на Западе.

Как известно, западными прототипами первых российских общин сестер милосердия послужили лютеранские общины диаконисс (*Diakonissenhauser*) и католическое Общество дочерей (сестер) милосердия Венсана де Поля. У католиков российские общины заимствовали название «сестры милосердия» — кальку с французского «*sœurs/filles de charit/misericorde*». Это словосочетание, привычное для россиян уже в конце XIX в., поначалу звучало несколько не по-русски, и народ переименовывал его в «милосердных сестер»⁴. Оно было чуждым для «православного слуха» как типичное название католических орденов и конгрегаций: «Дочери Страстей Христовых», «Сыновья Непорочного Сердца Девы Марии», «Сестры Святого Семейства» и т. п., отражавших своеобразный культ родства Предмету особого почитания в этих церковных организациях. Так, в «Правилах дочерей милосердия, служащих бедным больным» записано: «Принципиальная цель, для которой Бог призвал и устроил дочерей милосердия — почитать Господа нашего Иисуса Христа как источник и образец всякого милосердия, служа Ему телесно и духовно в лице больных, будь то бедные, дети, заключенные или другие...»⁵.

Католическое Общество дочерей милосердия, служанок бедных, основано во Франции священником Венсаном де Полем и Луизой де Марийяк Ле Гра⁶. Еще в 1668 г. оно приобрело церковно-юридический статус католической конгрегации, устав и правила которой почти не отличались от монашеских орденов⁷. Общее управление конгрегацией осуществлял глава (*superior*) мужской священнической конгрегации Миссии (лазаристов), а также настоятельница (*superioressa*). Первой из них была Луиза де Марийяк, 7 апреля (на Благовещение) 1642 г. давшая вместе с другими сестрами монашеские обеты безбрачия, бедности и послушания. Эта дата ежегодно торжественно отмечается как праздник

Конгрегации дочерей милосердия⁸. Общество состояло из отдельных общин, которые имели в больших городах собственные Дома под управлением настоятельницы.

В середине XIX в. сестрами милосердия во Франции называли также представительниц других католических конгрегаций и орденов, занимавшихся уходом за больными, о чем повествует в своих воспоминаниях начальница Крестовоздвиженской общины сестер милосердия Екатерина Михайловна Бакунина. О дочерях милосердия (*des Soeurs de St Vincent de Paul*) она пишет: «У них все очень строго, хотя они произносят обет на один год, после пяти лет *de professorat* (не знаю, как перевести это слово)»⁹.

Исключительно церковный статус Общества дочерей (сестер) милосердия в современной литературе затушевывается¹⁰ или невольно искажается, в результате чего оно превратилось в «гражданское благотворительное общинное движение»¹¹.

Общины лютеранских диаконисс, первую из которых основали в 1836 г. немецкий пастор Теодор Флиднер и его жена Фредерика, также были церковными организациями.

Большая община (*Mutterhaus* — материнский Дом) состояла из десятков отделений в разных городах и странах. К 1910 г. таких материнских Домов (Общин) насчитывалось 80 с 4 000 отделений при 15 000 диаконисс¹². Общее управление каждым Домом осуществлялось Союзом во главе с Советом, где ключевые посты занимали священнослужители лютеранской церкви. Непосредственное руководство местным Домом предоставлялось Ректору (он же — пастор в церкви при Общине) и настоятельнице диаконисс¹³. Диакониссы, находясь на полном содержании Общины, подчинялись строгим правилам общежития и дисциплины. Они служили в больницах, приютах, семинариях, школах. Вступающие в Общину сначала просто получали благословение пастора, но со временем сложился торжественный церковный обряд посвящения. Диакониссы считались служительницами лютеранской церкви, не признающей монашества. Е. М. Бакунина, посетившая Дом диаконисс «Вифания» близ Берлина, в своих воспоминаниях отмечает: «Хотя это и протестантская община, но в ней тоже сильное религиозное направление. И утром, и вечером общая молитва в церкви, и даже мне говорили, что диакониссы причащаются почти каждый месяц»¹⁴.

Католические и лютеранские Общины — церковные организации благотворительной и миссионерской направленности, стремящиеся распространиться по всему миру и обращающие в свое вероисповедание новых приверженцев. Е. М. Бакунина свидетельствует: «Я не знаю, како-

вы были сестры при св. Викентии, когда он сам их устроил... но теперь это чисто произведение католичества, и такие сестры возможны только при братьях лазаристах. Главная, основная мысль сестер — это пропаганда. Всякая более или менее видит в себе апостольское призвание»¹⁵.

Помимо западных образцов основатели первых российских общин сестер милосердия, использовали и отечественный прототип — институт сердобольных вдов¹⁶, учрежденный императрицей Марией Федоровной (в 1814 г. — в Петербурге, в 1818 г. — в Москве). Сердобольные вдовы не составляли общин, а выделялись в особый разряд пансионеров Вдовьих домов российских столиц и занимались уходом за больными. В Петербурге сердобольные вдовы по очереди несли двухнедельные дежурства в палатах Мариинской больницы для бедных, получая в придачу к полному содержанию во Вдовьих домах небольшую плату: 1,5 руб. серебром, особый стол и рюмку водки. Во внеслужбное время они соблюдали довольно строгие, внешне почти монастырские, правила Вдовьих домов.

Если Вдовьи дома возникли как учреждения общественного призрения, то институт сердобольных вдов — скорее частная инициатива императрицы Марии Федоровны, поначалу лично ею финансируемая. Церковь в лице одного из членов Святейшего Синода благословила это начинание и позволила сердобольным вдовам давать специальное обещание (присягу), сопровождаемое церковным обрядом (посвящением).

Первые российские общины сестер милосердия заимствовали у сердобольных вдов основной текст обещания, особое почитание петербургской чудотворной иконы Богородицы Всех скорбящих радости и ношение наперсных крестов. Последняя черта была, вероятно, перенята из католических миссионерских орденов как свидетельство исповедания христианства. Обещания, которые давались при вступлении в первые общины сестер милосердия¹⁷, вторят обещанию сердобольных вдов: «Обещаю... что, доколе сил моих достанет, употреблять буду все попечения и труды на богоугодное служение болящим». Эта формулировка позволяла сестре милосердия оставлять общину под благовидным предлогом: нездоровья или семейных обстоятельств. Так, в Свято-Троицкой общине «менее одной трети сестер (не касаясь умерших) в состоянии были вынести эту службу более 10 лет»¹⁸. Этот факт необходимо учитывать при сравнении обещания сестры милосердия с пожизненными монашескими обетами. Некоторые вполне справедливо считали такое обещание гражданской служебной присягой¹⁹.

Отечественным прототипом для первых общин сестер милосердия

могли послужить женские общины или «послушнические монастыри», десятки лет существовавшие в «недрах» российской православной традиции и занимавшиеся разного рода благотворительностью. Они стали возникать после закрытия более чем половины российских женских монастырей указом Екатерины II от 1764 г., когда монахини упраздненных монастырей переводились в штатные монастыри, а оставленные без средств послушницы создавали обители нового типа. Насельницы этих послушнических монастырей подчинялись монастырскому уставу, но монашеских обетов не давали. Для рукоделия и пропитания они открывали богадельни и больницы, где ухаживали за больными и престарелыми, приюты для сирот, странноприимные дома, школы и ясли для детей. Число таких женских общин, игнорируемых гражданскими и церковными властями, росло за счет частных пожертвований и значительного числа желающих в них поступить²⁰.

В 1851 г. одна из таких общин, существующая в г. Задонске Воронежской губернии с 1820-х гг., обратилась к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) с просьбой помочь ей законно утвердиться как Тихоновское Общество сестер милосердия. По этому поводу митрополит Филарет замечает: «И хорошо, что Тихоновское общежитие образовалось не по иностранным образцам, но в простоте духа православного и русского»²¹. Эта женская община была признана Синодом в 1860 г. под именем Тихоновского дома сестер милосердия, поручена епархиальному начальству, а позднее превращена в монастырь.

Еще один пример самобытной общины представляла Иосифовская женская община (Екатеринославской губернии), устав которой приводится в сборнике образцовых Уставов общин сестер милосердия, изданных в 1879 г. В Иосифовской общине, утвержденной Синодом еще в 1845 г., «особенные сестры, которые именуются Сестрами Милосердия, ухаживают за больными в лечебнице Общины под руководством врача». Община, обязанная, согласно уставу, служить благотворительным целям, имела на воспитании «10 малолетних нищих-сироток», которых сестры обучали грамоте²². В 1885 г. община была превращена в Иосифовский внештатный женский монастырь.

В начале XIX в. церковные женские общины (общежития) с благотворительным «уклоном» приобретают все большее распространение уже с утверждения, а иногда и по инициативе церковных властей. Начинается процесс «феминизации» русского монашества, значительный рост числа женских обителей и численности как собственно монашествующих, так и в еще большей степени послушниц. Оказавшись в женской общине, послушницы не спешили принимать постриг, а жаждали участия в делах

благотворительности. Эти особенности женского монашества XIX–XX вв., описанные многими исследователями, вызваны самыми разными причинами: экономическими, социально-политическими, аскетическими и т. п.²³.

Женские общины такого рода остались вне поля зрения учредителей первой российской общины сестер милосердия — вел. кн. Марии Николаевны и Александры Николаевны, принца Петра Георгиевича Ольденбургского и его супруги Терезии Васильевны, заявивших, что они берут в пример лютеранских диаконисс²⁴. Отчасти это можно объяснить тем, что члены Императорского дома Ольденбургские были лютеранами. В Комитет общины поначалу входила и лютеранка кн. Мария Федоровна Барятинская, вскоре основавшая общину Литейной части (с 1890 г. — во имя Христа Спасителя). Указание на диаконисс было, вероятно, предпочтительнее по причине большей веротерпимости при Дворе и в высших кругах общества к лютеранам, чем к католикам.

Уставом первой общины сестер милосердия от кандидаток и сестер требовались «набожность» и «удостоверение в хорошей их нравственности» и не предписывались никакие духовные правила в традициях Православия²⁵.

Для сравнения можно вспомнить, что одно из первых правил Венсана де Поля для дочерям милосердия призывало их «ценить спасение своей души превыше всех земных вещей»²⁶. Далее правила, в традиции католических орденов, детально регламентируют все необходимые для этого духовные и телесные упражнения, для этой цели, в том числе и поведение с больными, их родственниками, духовниками. В служении больным сестры должны стяжать добродетели, которые католики называют «сверхдолжные», т. е. обязательные только для монахов, а не для всех христиан. «Плата за уход отнимает у них священный характер сестры милосердия», — со слов настоятельницы поясняла Е. М. Бакунина²⁷. В правилах лютеранских диаконисс особо подчеркивалось, что служение вовсе не позволяет им считать, что они имеют перед Богом какие-то «сверхдолжные» заслуги. «Никто не должен полагать, в ошибочном и не евангельском мнении, что в призвании диаконисс [Diakonissenberuf] легче найти покой для души в Доме диаконисс и что служение в таковом призвании приятнее Богу, чем в своей собственной семье или в других христианских призваниях»²⁸. Правила и устав общин диаконисс 1910 г. — «исключительно религиозного содержания»²⁹.

По-видимому, в требованиях к сестрам и диакониссам как католики, так и протестанты исходили из особенностей своего вероучения, тогда как в правилах для первых российских сестер милосердия можно видеть лишь предписания нравственно-гуманного характера.

Укажем и на такую важную особенность первой российской общины сестер милосердия, как ее межконфессиональность³⁰. В общину на равных правах принимались православные, лютеранки и католички. При Свято-Троицкой общине были построены две одноименные церкви — православная и лютеранская, в которой совершались и католические богослужения³¹, а первой настоятельницей общины стала англичанка Сарра Биллер, из квакеров, после литургии читавшая и толковавшая сестрам Писание. В 1848 г. в общине состояло двенадцать сестер милосердия православного вероисповедания, пять лютеранок и три католички³². О межконфессиональности Свято-Троицкой общины было известно митрополиту Московскому Филарету, одному из самых авторитетных архиереев XIX в., которому учредители общины прислали устав на рассмотрение. В ответ он писал: «В уставе нет правила, которое допускало бы в состав общины лиц, не принадлежащих к православному вероисповеданию. Хорошо, если так и на деле. Разность вероисповеданий препятствует сгармонизировать общину в духовно-нравственное единство, одушевить одним общим духом и дать ей внутреннюю силу». Митрополит Филарет дал еще немало советов³³, которые, однако, не были приняты.

Из первых общин межконфессиональными были общины Во имя Христа Спасителя, Крестовоздвиженская и, возможно, Никольская. Объединение в одну общину сестер разных конфессий было в те годы немыслимо даже на Западе. Когда во время Крымской войны легендарная Флоренс Найтингейл собрала в своем отряде для ухода за ранеными англиканских и католических сестер милосердия, это вызвало возмущение со стороны «протестантских духовных фанатиков», и сестер пришлось разделить³⁴.

Православный священник в Свято-Троицкой общине служил на тех же основаниях, что и настоятель домового храма при закрытом заведении, и состоял на полном ее содержании. По уставу ему отводилась роль «блюстителя заведения в нравственном и религиозном отношении», что впоследствии было закреплено во всех общинах сестер милосердия Российского общества Красного Креста (РОКК). Священник входил в состав Попечительного совета общин сестер милосердия наряду с главным врачом, сестрой-настоятельницей, казначеем и уполномоченным от РОКК и был лицом выборным. Такое положение священника вряд ли допустимо считать «нелепым»³⁵, проецируя его на современные приходские сестричества милосердия, где первенствующее место занимает, как правило, священник.

Первые общины сестер милосердия были созданы как учреждения

частной благотворительности по инициативе особ из Царского Дома и знатных дворянских родов. В Петербурге помимо Свято-Троицкой общины (1844, 1848)³⁶ вскоре появились община во имя Христа Спасителя (1846, 1853), Крестовоздвиженская (1854, 1870) и Покровская (1858, 1861); в Москве — Никольская (1848?)³⁷. Под эгидой Общества попечения о раненых и больных воинах при Московском Дамском комитете официально была утверждена община «Утоления печали» (1865, 1871, позднее Александровская «Утоли моя печали»). В порядке перечисления этих общин напомним имена их основательниц: княгиня М. В. Барятинская, вел. кн. Елена Павловна, вел. кн. Александра Петровна, княгиня Софья Степановна Щербатова, княгиня Наталья Борисовна Шаховская. Основательницы, особенно на первых порах, выступали главными попечительницами (т. е. устроителями и содержателями) своих общин. Их громкие имена и безупречная репутация привлекали и других благотворителей, как из высших сословий, так и простых граждан.

До возникновения РОКК³⁸ (1867) было основано еще две общины: Одесская Стурдзовская община сердобольных сестер (1850, 1850) и сельская община сестер милосердия св. Марии Магдалины (1862, 1865). Первая возникла по инициативе А. С. Стурзы, человека небогатого, но сумевшего привлечь к делу большое число местных благотворителей и заручившегося покровительством Императорского человеколюбивого общества, вторую устроила в своем родовом имении (село Буриги Порховского уезда Псковской губернии) кн. М. В. Дондукова-Корсакова.

Первые общины, за исключением Одесской и Крестовоздвиженской, не только оказывали медицинскую помощь, но и занимались воспитанием детей и призрением бедных. Все эти общины, кроме Крестовоздвиженской, сохранили свою независимость и в РОКК не вошли.

Безусловно, названные общины являлись учреждениями частной и, отчасти, общественной благотворительности, а не церковными организациями, в чем и заключается их существенное отличие от западных католических и протестантских общин.

Вопрос о том, какими должны быть общины сестер милосердия — светскими или церковными — встал после возвращения с Крымской войны Крестовоздвиженской общины и горячо обсуждался в переписке главного врача общины Николая Ивановича Пирогова с ее начальницей Е. М. Бакуниной. По мнению Н. И. Пирогова, если общине будет дан религиозный характер, в нее придется принимать лишь православных, и тогда «удобнее было бы определить для этой цели один из женских монастырей». И далее: «Я сам клонюсь более в сторону нравственно-филантропического направления и думаю, что оно более соответствует духу

и потребности нашего времени»³⁹. Знаменитый хирург, прямой и честный человек, патриот Пирогов категорически отказывался заимствовать для российских общин что-либо с Запада, но парадоксальным образом выдавал за «новое начало», за «наше российское» — западный гуманизм, «религию» человекопочтения. Впоследствии пожелание Пирогова сбылось: победил гуманизм, на принципах которого и устраивались общины Красного Креста.

Но еще в конце 1850-х гг. вел. кн. Елена Павловна мечтала о преобразовании Крестовоздвиженской общины в церковную и тщетно искала для нее настоятельницу-монахиню и достойного духовника. Недолгое время духовником общины был о. Иоанн Янышев, будущий ректор Петербургской духовной академии и протопресвитер дворцового духовенства, но в 1858 г. он ее оставил. В составленной для митрополита Филарета записке «Об учреждении общины сестер милосердия в православной России» о. Иоанн пишет:

«Община сестер милосердия не есть богадельня или приют для вдов и сирот женского пола, не походит и на школу и вообще на какие-либо благотворительное или учебное женское заведение. Это есть святое общество избранных христианок, ради любви ко Христу Спасителю и ради своего спасения добровольно оставивших все в мире, чтобы служить Господу в лице Его меньшей братии: больных, сирот, детей, странников, странниц...

И если такое общество может возникнуть и в православной России, то это может случиться тогда, во-первых, когда в членах православной церкви обнаружится оскудение любви и частной благотворительности и созреет более или менее общее убеждение в необходимости особого сословия женщин — официальных служительниц делу человеколюбия; когда, во-вторых, вследствие сознания этой нужды, появятся лица, на самом деле жаждущие послужить немощным братьям, как самому Христу, и когда, наконец, Бог воздвигнет исполненного благодати мужа служителя церкви, или какую-либо великую женщину-подвижницу, которые бы влиянием своего примера и убеждений извлекали из мира и соединяли около себя малое стадо избранниц, укрепили бы одушевляющие их святые чувства и под осенением и руководством церковной власти направили бы их к тому или другому роду благотворительной деятельности.

Учреждать же общину лицу, не призванному на это дело свыше, утверждать не личными подвигами самоотвержения, ради Христа, а только материальными средствами и уставами; учреждать из лиц, вовсе не испытанных в деле бескорыстного самоотвержения, не имеющих иног-

да обыкновенного христианского воспитания, принадлежащих даже различным вероисповеданиям и в общине ищущих себе лишь приюта и пропитания; поэтому держать эту общину вне влияния церковной власти и следовательно вне ее уставов о посте, молитве, богослужении и проч.; назначить ей целью не спасение душ как сестер, так и тех, кому они духовно и материально служат, а, например, искоренение злоупотреблений чиновников в госпиталях, развитие честности в служителях и проч.; и при том украшать сестер христианскими крестами, а общину — именем христианского милосердия: все это есть такое предприятие, которое не только осуществить, но и принять с церковной точки зрения невозможно. А таким именно предприятием и можно назвать существующие в Санкт-Петербурге так называемые общины: сердобольных вдов и сестер попечения о больных»⁴⁰.

В ответ митрополит Филарет замечает: «Записка о сестрах милосердия в России есть рассуждение основательное...». В 1860 г. взявшийся окормлять Крестовоздвиженскую общину молодой священник Александр Гумилевский выступил со смелой идеей превращения ее в общину православных диаконисс⁴¹, составив для этого специальный устав. В «сестрах милосердия» он видел что-то иностранное, противное православному духу и далекое от простого народа, который чуждался одного уже вида «барынь с наперсными крестами на груди». Но народ точно так же сторонился бы и неведомых ему диаконисс: простых баб с ораями на шее (такое одеяние предлагал для них о. Александр Гумилевский). Рескрипт императора Александра II на проекте устава общины диаконисс, думается, был справедливым для своего времени: «Не нужно искусственно придумывать новые, непонятные для большинства виды служения».

Однако «оскудение любви и частной благотворительности», о котором писал о. Иоанн Янышев, обнаруживалось не только в рабочих трущобах больших городов, но и в российской деревне. На этой благодатной почве вскоре возникло движение народничества с участием женщин: акушеров, фельдшериц, учительниц и врачей, хотя их служение народу в деле здравоохранения и просвещения зачастую питалось чуждой и даже враждебной Церкви идеологией.

Появление «исполненного благодати мужа — служителя церкви» трудно было ожидать, поскольку возглавляемая о. Иоанном Янышевым Петербургская духовная академия не воспитывала пастырей, готовых, даже прослушав его курс «Нравственного богословия», вступить на новое поприще. Даже спустя полвека св. Елизавета Феодоровна сумела отыскать для своей Обители милосердия духовника о. Митрофана Среб-

рянского лишь в провинциальном Орле. О. Митрофан свидетельствовал: «Современное общество в большинстве лишь сохранило название христианского... В доброй половине современные люди погрузились в новое язычество, можно сказать худшее прежнего, так как стали лицемерны...»⁴².

Женщины — подвижницы в делах милосердия — появлялись чаще, чем «исполненные благодати мужи». Одной из них была игуменья Серпуховского Владычного монастыря Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен), бывшая фрейлина императрицы Марии Александровны. В феврале 1863 г. вел. кн. Александра Петровна, жаждавшая превратить свою Покровскую общину в «деятельный» монастырь, где постоянная молитва сочеталась бы с трудами на благо страждущих, пригласила к себе игуменью Митрофанию. К этому времени мать Митрофания уже учредила в своем монастыре больницу и была ее смотрительницей. Игуменья временно приняла на себя должность начальницы Покровской общины и вскоре сумела значительно ее укрепить и благоустроить⁴³.

Вместе с тем она занялась устройством новых для России церковных общин сестер милосердия — образцовой епархиальной Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия в Пскове (1868, 1870) и такой же Владычне-Покровской — в Москве (1869, 1871)⁴⁴. Обе общины находились в ведении Святейшего Синода, в них, как отмечает П. А. Илинский, действительно применяются «некоторые начала монастырского общежития»⁴⁵.

П. А. Илинский выделяет три категории общин сестер милосердия. В сущности, те же самые три категории называет и А. В. Постернак: общины с широкими благотворительными задачами, военные общины (ориентированные на помощь раненым) и епархиальные общины⁴⁶. К третьей категории епархиальных общин сестер милосердия П. А. Илинский причисляет лишь Псковскую Иоанно-Ильинскую и Московскую Владычне-Покровскую. Эти общины находились под ведением Синода, под начальством епархиального архиерея и управлялись настоятельницей того женского монастыря, к которому были приписаны: первая — к псковскому Иоанно-Предтеченскому, вторая — к серпуховскому Владычному. Однако А. В. Постернак ошибочно включает в эту категорию церковные женские общины (общежития), которые «возникли во многих епархиях»⁴⁷. Эти женские общины утверждались Святейшим Синодом как «зачатки» монастырей и не могут быть отнесены к общинам сестер милосердия.

По замыслу матери Митрофании церковные епархиальные общины должны были возникнуть в каждом губернском городе, в каждой епар-

хии, но этим планам не суждено было осуществиться. Мать Митрофания вскоре стала «героиней» скандального судебного процесса: ее обвинили в подделке векселей, мошенничестве и приговорили к ссылке в Сибирь. Сама мать Митрофания писала, что причиной ее поругания было то, что у дела, которому она служила, было слишком много врагов. Епархиальные общины, по мнению матери Митрофании, противостояли «распадению от нигилизма». «Это поняли те, которым не нравилось нововведение, и возбудили дружное восстание против меня, учредительницы этих общин», — считала она⁴⁸. Так или иначе, но хлопотная и с неохотой встречаемая идея церковных общин сестер милосердия была скомпрометирована.

Об отношении монашества к общинам сестер милосердия, можно судить по впечатлениям игуменьи Страстного монастыря Евгении (Озеровой). В 1875 г. по приглашению графини Марии Владимировны Орловой-Давыдовой она посетила общину Литейной части. М. В. Орлова-Давыдова унаследовала должность попечительницы общины, основанной ее бабкой кн. М. Ф. Барятинской, от своей матери — гр. О. И. Орловой-Давыдовой. Горячо взявшись за дело, она мечтала преобразовать общину в монастырь. Приведем записи из дневника игуменьи:

«— Мое одно желание, — сказала М. В. — поставить общину на монастырский лад, дать ей руководство духовное или, лучше, обратить ее в монастырь.

Я: — Это дело неудобноносимое. Суетные дела благотворительности: школы, ясли, т. е. хождение за крошечными детьми, больницы, прием больных, занятия в аптеках, — отнимают все время, умучивают донельзя, так что о молитве или внутреннем своем состоянии и подумать некогда, да и невозможно. Мы не бесплотные и нам нужно отдохновение сном и отдых мысли.

М. В.: — Отчего же за границей общины имеют духовный характер?

Я: — По-моему, враг хитро действует. Осмотритесь и увидите сами. Сперва были монастыри, потом смешали с делами милосердия. А теперь монастыри уничтожены, общины умаляют, а в Швейцарии и сестер милосердия не позволяют. То же проводят и в нашем Православном отечестве, уничтожая доброе под видом доброго. Всмотритесь. Великая княгиня Александра Петровна явила самые благие намерения и меня уверила, что это все прекрасно. Смешала монастырь с общиной сестер милосердия. Что вышло? Безобразие, неустройство, беспорядок и срам монашеству...

М. В.: — Стало быть, надо отложить попечение о духовном ее устройстве?

Я: — Не то я говорю, а только невозможность соединить с общиной монастырь. Подумайте, может ли быть мир, где в одном и том же заведении два разнородных учреждения? Оставьте общину неприкосновенной, продолжайте благотворение»⁴⁹.

Далее новые общины сестер милосердия возникали уже в светском ведомстве РОКК, в становлении которого Церковь приняла определенное участие. При учреждении Российского общества Красного Креста в мае 1867 г. к «россиянам, чадам православной церкви» с призывом принять в нем участие обратился, ссылаясь на евангельского милосердного самарянина, митрополит Московский Филарет⁵⁰. Почетными членами РОКК стали семь епископов (в том числе митрополит Московский Иннокентий и митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор) и десятки священников. Московский дамский комитет общины сестер милосердия в рамках зарождавшегося РОКК возглавила мать Паисия, игуменья Московского Вознесенского монастыря. В Комитет вошли также игуменья Алексеевского монастыря Иллария и игуменья Страстного монастыря Антония⁵¹. Четыре монахини Вознесенского монастыря еще в 1863 г. постоянно дежурили в качестве сестер милосердия в лечебнице для чернорабочих⁵². Возглавляемый матерью Паисией комитет имел на своем попечении десять сестер в Вознесенском монастыре, шесть — в Алексеевском и шесть — в Страстном. В 1872 г. после смерти матери Паисии председателем Московской дамского комитета общины сестер милосердия стала игуменья Митрофания. Поначалу участие в подготовке сестер милосердия для РОКК из числа своих послушниц приняли несколько женских монастырей — в Костроме (Богоявленский), Казани (Богородичный), Астрахани, Виннице, Курске и Смоленске. Этот опыт не получил широкого распространения. В 1913 г. необычным событием стал первый выпуск сестер милосердия Красного Креста из одиннадцати монахинь на курсах, организованных игуменьею Новодевичьего монастыря Антонией в Петрограде, и открытие при монастыре больницы и амбулатории⁵³.

К началу XX в. РОКК насчитывало 81 общину, в которых состояло 1603 сестры⁵⁴. Согласно основополагающим документам РОКК, сестрой милосердия могло стать лицо любого христианского исповедания. Сестры милосердия брали на себя «нравственную обязанность в избранной ими трудной задаче ухода за больными, выполняя свое дело с любовью и кротостью»⁵⁵. Проработавший в общине не менее пяти лет удостоивался особого знака отличия и диплома. Ни о каких церковных обещаниях (присягах, обетах) в документах не говорится. В качестве знака отличия сестры милосердия имели вышитые красные кресты на

передниками, а при исполнении обязанностей — белую повязку с таким же крестом. Красный крест на белом фоне — «негатив» герба Швейцарии, эмблема Женевской конвенции и Международного комитета Красного Креста, принятая и РОКК. Цветовое обращение, как видно, было произведено из чисто практических соображений: заметный издали красный крест на белом фоне сигнализировал воюющим сторонам о местонахождении госпиталей, санитарных поездов и медицинского персонала, защищенных от нападения согласно Женевской конвенции⁵⁶.

Исходная задача, поставленная перед общинами сестер милосердия РОКК, — подготовка медицинского сестринского персонала на случай войны, для чего при общинах учреждались собственные больницы, амбулаторные лечебницы, учебные курсы и училища.

Основанные на принципах гуманизма и патриотической идее, общины сестер милосердия сыграли важнейшую роль в становлении новой женской профессии, но такие «монашеские особенности» жизни сестер, как строгое общежитие, безбрачие и бесплатная служба, уже в начале XX в. оказались тормозом для ее развития

В 1908 г. сестра милосердия Т. Миркович в обстоятельной «Записке»⁵⁷, имевшей большой резонанс в обществе, писала о кризисе института сестер милосердия. Идеиные принципы первых общин сестер милосердия пришли в противоречие с задачами и целями Красного Креста. В «Записке» отмечается общий упадок общин Красного Креста в профессиональном и нравственном смысле. Требования бескорыстного и безвозмездного служения сестер диктовались корыстными интересами государственных ведомств. Общежитие, способствующее в православных общинах спасению души и исполнению заповеди любви к ближнему, превращалось в казарму закрытых заведений. Духовное подвижничество уступало место кратковременному военному и трудовому героизму. Из общин Красного Креста исчезали человеческие «чувства локтя», дружба, взаимной поддержки. Формально независимые от Красного Креста общины сестер милосердия вполне усваивали тот же дух.

Создавая Марфо-Мариинскую обитель милосердия (1909), св. вел. кн. Елизавета Феодоровна, видела в ней организацию иного типа, прежде всего — церковную, чем подвела итог драматичной истории общин сестер милосердия, все попытки «воцерковления» которых потерпели крах, и отыскивала новую форму женского церковного служения⁵⁸. В сознании современников звание сестры милосердия уже прочно ассоциировалась с женской медицинской профессией. Поэтому она писала: «Мы просили о <присвоении> имени «диаконалисс», что по-гречески означает

«служительницы», то есть служительницы Церкви, чтобы сделать наше положение в стране более ясным: мы — организация Православной Церкви»⁵⁹. Будучи попечительницей московской Иверской и петербургской Елизаветинской общин, она подчеркивала: «Мне бы также не хотелось обращать мою Обитель в обыкновенную общину сестер Милосердия, так как, во-первых, там только одно медицинское дело, а другие виды даже не затронуты и, во-вторых, в них нет церковной организации, и духовная жизнь на втором плане, тогда как должно быть совершенно наоборот»⁶⁰. Св. Елизавета ратовала за восстановления древнего церковного чина диаконисс. Она была поставлена в настоятельницы диаконисс Марфо-Мариинской обители по особому церковному чину, утвержденному св. Владимиром, митрополитом Московским и Синодом⁶¹. Упреки некоторых иерархов, звучащие и поныне, в том, что великая княгиня руководствовалась протестантскими примерами, несправедливы. Она осознавала свое начинание и как миссионерство среди простого непросвещенного народа, мечтая о том, что обители милосердия возникнут по всей России. Как известно, вопрос о введении чина диаконисс был утвердительно решен Отделом церковной дисциплины 26 марта 1918 г. на Поместном Соборе Православной Российской Церкви, однако соборного решения принять не успели⁶².

Таким образом, российские общины сестер милосердия представляли собой учреждения общественной и частной благотворительности в стране, где православие было государственной религией, и потому в них в той или иной степени присутствовала церковная «компонента». Почти все они, за исключением первых общин, возникали и развивались в рамках РОКК, одного из светских благотворительных институтов Российской империи.

Вопросы, обсуждаемые в данной работе, актуальны не только в связи с появившимся академическим интересом к истории общин сестер милосердия, но также и для решения задач церковной благотворительности, стоящих перед Русской Православной Церковью. За последнее время возникли по меньшей мере четыре обители милосердия — в Москве, Владивостоке, Оренбургской и Самарской епархиях. Московская Марфо-Мариинская обитель, созданная когда-то св. Елизаветой Феодоровной, возродилась, но совершенно в ином виде. Ее настоятельница мать Елизавета (Крючкова) и некоторые сестры приняли монашество, и вопрос о восстановлении чина диаконисс, о котором мечтала св. Елизавета, более не обсуждается. В России работают десятки сестричеств и групп милосердия, созданные по инициативе священников-энтузиастов и мирянок, не имеющих, за редким исключением, поддержки даже на епар-

хиальном уровне. Те, кто называет себя православными сестрами милосердия, зачастую не имеют профессии медсестры и трудятся в самых разных социальных сферах, помогая престарелым, инвалидам, психически больным, сиротам, бездомным, бедным. Подготовка сестер милосердия ведется на специальных медицинских курсах в Архангельске, Вологде, Кемерово, Курске, Нижнем Новгороде, Смоленске, Санкт-Петербурге и других городах. Как элитный проект⁶³ более десяти лет существует Свято-Димитриевское православное училище сестер милосердия в Москве. О возрождении института сестер милосердия при храме царевича Димитрия было официально объявлено на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в 1994 г. Та же мысль повторялась в речах патриарха Алексий II и министра здравоохранения на десятилетнем юбилее этого училища. Однако, учитывая «нецерковность» этого дореволюционного института, необходимо осмыслить, какое содержание должно иметь сейчас звание сестры милосердия в Русской Православной Церкви. На него претендуют, и не без основания, медицинские сестры, призывающие к возрождению нравственных основ своей профессии, труженицы Российского Красного Креста, недавно получившие от патриарха Алексия II благословение на свою деятельность, и верующие медсестры, не состоящие в каких-либо организациях. Представление о том, что дореволюционные общины сестер милосердия являлись церковными или даже «полумонашескими» благотворительными организациями и что «сестра милосердия» является церковным званием — дань тем иллюзиям и той вере в «романтические сказки о церковных социальных учреждениях»⁶⁴, которые некогда разделяла и автор этих строк.

¹ Илинский П. А. Русская женщина в войну 1877–78 гг. СПб., 1879.

² Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001.

³ Там же. С. 55.

⁴ Русские община сестер милосердия и отсутствие в них народности // Дух христианина. 1861–1862. Март. С. 295.

⁵ Rules of the Daughters of Charity, Servants of the Sick Poor. Ch. I // Vincent de Paul and Louise de Marillac. Rules, Conferences, and Writings. N. Y., 1995. P. 169 (рус. пер.). Этими Правилами конгрегация руководствовалась до 1954 г.

⁶ Канонизированы католиками как святые: Венсан де Поль — в 1737 г., Луиза де Марийяк — в 1934 г.

⁷ Конгрегация существует и поныне, являясь одной из самых многочисленных. (Католическая энциклопедия. 2002. Издательство францисканцев. Т. I. С. 982).

⁸ <http://www.newadvent.org/cathen/03607a.htm>

⁹ Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской об-

- щины (1854–1860) // Вестник Европы. 1898. № 6. С. 603. Professorat — окончательное вступление в конгрегацию с принятием пожизненного обета.
- ¹⁰ Ришо А. Винцент де Поль, или Созидательная сила любви. Брюссель. 1968; Постернак А. В. Указ. соч. С. 17–28.
- ¹¹ Власов П. А. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 401.
- ¹² Доклад М. А. Гиероглифовой. Институт диаконис в протестантской церкви / Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 147.
- ¹³ Das Evangelische Hospital und Diakonissenhaus in St. Petersburg im Laufe seines funfzigjahrigen Bestehung). St. Pbg., 1909. S. 161 (рус. пер.).
- ¹⁴ Этот факт удивляет Бакунину, так как православные в России причащались в лучшем случае четыре раза в год, во время постов. (Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 589).
- ¹⁵ Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 603.
- ¹⁶ См., например: Романюк В. П., Лапотников В. А., Накатис Я. А. История сестринского дела в России. СПб., 1998. С. 34.
- ¹⁷ Уставы и правила Общин сестер милосердия Владычне-Покровской, Екатеринославской, Иоанно-Ильинской, Иосифовской, Крестовоздвиженской, Литейной части, Покровской, св. Георгия, Свято-Троицкой, Тифлисской, Утоления печали. СПб., 1879. С. 76–77.
- ¹⁸ Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия за 50-летие (1844–1894). СПб., 1894. С. 32.
- ¹⁹ С-ов [Скроботов]. Приходской священник Александр Васильевич Гумилевский. СПб. Ст. 186.
- ²⁰ Зверинский В. В. Материалы для историко-топографических исследований о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1892. Т. II. С. XII–XIV.
- ²¹ Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1850–1856 гг. М., 1883. Ч. 3. С. 113–115.
- ²² Уставы и правила Общин сестер милосердия... С. 76–77.
- ²³ Емченко Е. Б. Женские монастыри в России // Монашество и монастыри в России. XI–XX века. Исторические очерки. М., 2002. С. 265.
- ²⁴ Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия за 50-летие (1844–1894). СПб., 1894. С. 6.
- ²⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1849. Т. XXIII, отд. 1. С. 612–619.
- ²⁶ Rules of the Daughters... P. 169 (рус. пер.).
- ²⁷ Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 603.
- ²⁸ Das Evangelische Hospital... S. 171 (рус. пер.).
- ²⁹ Доклад М. А. Гиероглифовой... С. 151.
- ³⁰ Термин «межконфессиональный» (interkonnessionelle) относительно Свято-Троицкой и Крестовоздвиженской общин, а также общины Литейной части (во имя Христа Спасителя) впервые применен в указанном лютеранском источнике: «Das evangelische Hospital ...». S. 4–6.

- ³¹ Описание Санкт-Петербургского заведения Общины сестер милосердия. СПб., 1850. С. 2.
- ³² Исторический очерк... Приложение. С. 81–90.
- ³³ Замечания митрополита Филарета на устав Свято-Троицкой общины сестер милосердия и проект новых правил для общины. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. IV. С. 270–273.
- ³⁴ Флоренса Найтингель, попечительница о больных на поле сражения. Перевод с нем. С. В...й // Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1871. № 8. С. 8–9.
- ³⁵ *Постернак А. В.* Указ. соч. С. 205.
- ³⁶ В скобках: первая дата — год основания общины, вторая — год утверждения ее первого Устава. Приводятся самые поздние названия общин.
- ³⁷ Архив Никольской общины сгорел, и дату ее основания установить трудно. Некоторые авторы ошибочно принимают ссылку на Устав общины, утвержденный 5 октября 1848 г., в «Отчете Никольской общины сестер милосердия в память княгини С. С. Щербатовой и доктора Ф. П. Гааза РОКК с 26 октября 1914 г. по 1 января 1916 г.» (М., 1916. С. 14) за дату ее основания. Указанная дата относится только к Свято-Троицкой общине.
- ³⁸ До 1879 г. — Общество попечения о раненых и больных воинах.
- ³⁹ *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 137–138.
- ⁴⁰ Собрание мнений и отзывов Филарета Митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. IV. С. 341–343. Пунктуация оригинала.
- ⁴¹ *С-ов [Скроботов].* Указ. соч. Стб. 186.
- ⁴² *Сребрянский Митрофан, протоиерей.* Пояснительное слово // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 175.
- ⁴³ Отчет о действиях Покровской общины сестер милосердия с 1 ноября 1860 г. по 1 ноября 1861 г. СПб., 1862; Отчет о действиях Покровской общины сестер милосердия с 1 ноября 1861 г. по 1 ноября 1862 г. СПб., 1863.
- ⁴⁴ Дело игумении Митрофании с ее портретом. Подробный стенографический отчет составленный С. П. Забелиной. М., 1874. С. 326–327.
- ⁴⁵ *Илинский П. А.* Указ. соч. С. 166.
- ⁴⁶ *Постернак А. В.* Указ. соч. С. 100; *Постернак А. В.* История общин сестер милосердия // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 313.
- ⁴⁷ *Постернак А. В.* История общин... С. 313.
- ⁴⁸ Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, в монашестве Митрофании // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 288.
- ⁴⁹ Страницы неопубликованного дневника игумении Евгении (Озеровой). Подготовка публикации Е. В. Исаковой // Женская Оптина. Материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря. М., 1997. С. 265–269.

- ⁵⁰ Слово при учреждении в мае 1867 г. в Санкт-Петербурге Общества Красного Креста Митрополита Московского Филарета // Вестник народной помощи. 1877. № 1. С. 2.
- ⁵¹ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1870. № 2. С. 7.
- ⁵² Сердобольные монахини в Москве // Православное обозрение. 1863. № 11. С. 178.
- ⁵³ Монахини сестры милосердия // Вестник Красного Креста. 1913. № 2. С. 399–400.
- ⁵⁴ Очерк возникновения и деятельности Российского Общества Красного Креста // Вестник Красного Креста. СПб., 1913. № 5. Приложение. С. 12.
- ⁵⁵ Правила о сестрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами // Вестник Общества попечения о больных и раненых воинах. 1875. № 2 С. 2–5. Нормальный Устав общины сестры милосердия РОКК. СПб., 1903. § 35.
- ⁵⁶ «Хотя эмблеме Женевской конвенции не было придано религиозного значения, некоторые государства (Турция, Персия, Сиам) заменили крест полумесяцем. Япония добавила поперечные полосы» (*Михайлов Д.* Красный Крест и сестры милосердия в России и за границей. Пг.—Киев, 1914. С. 13.). Сегодня, тем более, крест на машинах «Скорой помощи» или аптечных вывесках как религиозный символ не воспринимается.
- ⁵⁷ *Миркович Т.* Российское общество Красного Креста и общины Сестер милосердия. СПб., 1910.
- ⁵⁸ Легенда о тайном монашеском постриге св. Елизаветы и найденном на ее теле парамане не подтверждается. Ей, в частности, противоречит тот факт, что отпевание в кладбищенской церкви Алапаевска всех мучеников, извлеченных из шахты, было совершено «мирянским» чином, а все их тела облечены в белые саваны. Облечение мощей святых Елизаветы и Варвары в монашеские одежды произошло в женском монастыре Читы, где они тайно сохранялись шесть месяцев.
- ⁵⁹ Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны к Николаю II // Материалы к житию святой преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 56. Подчеркивание и пунктуация оригинала.
- ⁶⁰ Великая княгиня Елизавета Феодоровна — Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород, 1996. С. 63–64. Пунктуация оригинала.
- ⁶¹ Марфо-Мариинская обитель милосердия // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 215.
- ⁶² *Белякова Е. В., Белякова Н. А.* Обсуждение вопроса о диакониссах на Соборе 1917–1918 гг. // Церковно-исторический вестник. № 8. М., 2001. С. 149–155.
- ⁶³ *Митрохин Николай.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004. С. 285.
- ⁶⁴ *Митрохин Николай.* Указ. соч. С. 277.